

Мы назвали этот раздел нашего журнала, который посвящен безвременно ушедшему от нас проф. Брюшинкину, бессменному главному редактору всероссийского научного журнала «Кантовский сборник» с 2008 года, любимым девизом Канта. У Владимира Никифоровича было к нему особое отношение. Он вкладывал в него свой собственный смысл, который всегда стремился сделать доступным и для нас, своих коллег и учеников. А заключается он в совсем простой идее: эффективно работать с людьми, в том числе и результативно заниматься научной работой, можно только тогда, когда ты даешь любому раскрыть его способности, помогаешь выявить его интересы и всячески поддерживать их. И это возможно только если ты сам отдаешь любимому делу значительную часть своей души...

«Sapere aude» стал на 10 лет девизом нашей кафедры — философии и логики, а затем и созданного проф. Брюшинкиным Института Канта. Но для него он был не только девизом, а метафорой того, что мы можем не просто определить методы для выявления рациональности культуры, но, соответственно, найти практические методы рационализации нашего общества и образования.

Редколлегия

Кантоведение в Калининграде на добром пути (мое воспоминание о Владимире Брюшинкине)

Мое знакомство с Владимиром Брюшинкиным и воспоминания о встречах в Калининграде восходят к 2004 году — году 280-летия Иммануила Канта. Творческая ангажированность Владимира Брюшинкина в отношении институционализации кантовских исследований в Калининградском университете им. И. Канта меня чрезвычайно впечатлила, и я следил за всеми связанными с этим процессом действиями с неизменным уважением и симпатией. И в 2009 году на конференции, посвященной 285-й годовщине со дня рождения Канта, я получил возможность лично убедиться в успехах, достигнутых за прошедшие годы. Кантоведение в Калининграде на добром пути!

Я знал Владимира Брюшинкина как необыкновенно радушного и очаровательного человека. В последний раз мы встретились в Пизе на Кантовском конгрессе в мае 2010 года и вели чрезвычайно интересные и перспективные беседы. Во время автобусной поездки к месту вручения премий им. Канта он поведал мне свои планы и свое видение будущего кантовских исследований в Калининграде. Речь шла прежде всего о развитии Института Канта, об активизации сотрудничества с западными кантоведами, о «Кантовском сборнике». Я и сегодня с удовольствием вспоминаю об этом разговоре.

С Владимиром Брюшинкиным мы потеряли не только высоко ценимого коллегу — с ним Россия, и в особенности Калининград, утратили значительного ученого. Но я уверен, что начатая им работа будет успешно продолжена.

Юрген Штольценберг,
д-р, профессор Института философии Университета
им. Мартина Лютера (Галле-Виттенберг),
член Президиума Кантовского общества Германии

Жизнь нелогична

Не могу смириться с мыслью, что с нами уже нет Владимира Никифоровича Брюшинкина. Менее полугода назад, в декабре 2011 года, мы с ним участвовали в заседании экспертного совета по философии РФФИ, вместе после заседания обедали, долго говорили о наших общих логических и философских делах, о перспективах высшего образования в России, о том, какая стратегия наиболее предпочтительна в условиях падения к нему интереса и со стороны общества, и со стороны государства. Владимир Никифорович, как всегда, источал множество оригинальных идей, причем уже во многом реализуемых им, был весел, энергичен, полон оптимизма, удивительно доброжелателен и открыт. Чувствовалось, что он по-прежнему легок на подъем, что вокруг него бурно кипит жизнь: растут достойные ученики, активно работают кружки и научные семинары и даже дает представления философский театр. Все было у него заточено на успех общего дела — и наука, и образование. Однако буквально через два месяца после этой встречи я узнал, что Владимир Никифорович серьезно болен... На письма он теперь не отвечал. И вот его уже нет с нами. Жизнь существенно более нелогична, чем мы склонны думать. Она безжалостно и непредсказуемо может ломать наши планы и демонстрировать хрупкость и эфемерность наших надежд и предположений. Она постоянно напоминает о том, что надо дорожить сегодняшним днем, переживать этот день во всей полноте его красок и ароматов, не размениваясь на мелкие мысли, движения, обиды и ссоры.

Об оригинальных идеях Владимира Никифоровича я знал задолго до нашей личной встречи, состоявшейся в дни празднования в Калининграде юбилея И. Канта в 2004 году, куда, собственно, он меня и пригласил. До этого мы регулярно общались по электронной почте. Он был одним из основных организаторов международной конференции «IX Кантовские чтения», посвященной юбилею философа, на которую приехало множество людей из России и зарубежных стран. Несмотря на то, что конференцию такого масштаба всегда непросто не только организовать, но и гладко провести, Владимир Никифорович находил возможность со всеми общаться, активно участвовать в заседаниях. Конференция прошла на высочайшем уровне.

Я высоко ценю концепцию метапсихологизма Владимира Никифоровича, его труды по теории аргументации и истории логики. Я не раз восхищался тем, на какую высоту он поднял логическое сообщество в Калининграде.

После конференции 2004 года мы встречались уже регулярно – на конференциях, на повышении квалификации, на экспертных советах в РФФИ (куда он вошел, кстати, по моей рекомендации).

Общение с Владимиром Никифоровичем было легким, приятным и неизменно полезным. Можно было удивляться широте его интересов, поскольку его внимание привлекали далеко не только логические проблемы, но и многие философские вопросы, отстоящие от логики достаточно далеко.

Мы потеряли коллегу, профессионала высокой пробы, душевного человека, который очень много сделал для развития логики и философии в нашем отечестве. Нам всем будет очень не хватать Владимира Никифоровича...

В. А. Бажанов,
д-р филос. наук, профессор,
зав. кафедрой философии Ульяновского государственного университета,
заслуженный деятель науки РФ,
действительный член Academie Internationale de Philosophie des Sciences

Логик русской души

Рассуждения по поводу одной из сторон философского творчества Владимира Никифоровича Брюшинкина мне хотелось бы предварить краткими воспоминаниями о наших встречах и характере того впечатления, которое производил на меня этот человек. Сразу должен сказать, что неформальных личных отношений с Владимиром Никифоровичем не имел в силу ряда причин: сравнительно позднего знакомства (в начале 2000-х) и, что еще важнее в данном случае, разности профессиональных интересов в пространстве философии (логика никогда не оказывалась в центре моей профессиональной деятельности).

Будучи деканом сначала философского факультета, затем факультета философии и психологии Саратовского государственного университета, я имел возможность встречаться с заведующим кафедрой философии и логики тогда еще Российского государственного университета (а если проще и привычнее – университета имени Канта) на заседаниях учебно-методического объединения по философии, которые обычно проходили в МГУ, и, занимаясь неокантианством, несколько раз принимал участие в кантовских конгрессах в Калининграде, а в последние годы, по предложению Владимира Никифоровича, стал членом редакционной коллегии Кантовского сборника. Вот, собственно, и все те основания, которые делали наши встречи возможными. В процессе этих встреч и кратких общений Владимир Никифорович произвел на меня впечатление человека, прежде всего обладающего высокой культурой общения, умеющего донести до слушателя свою мысль, умеющего выслушать и услышать мысль другого. Наряду с серьезностью мысли, которую всегда в своих выступлениях и разговорах выдерживал Владимир Никифорович, в его глазах нетрудно было заметить и некую ироничность, некую хитринку, готовую в любой подходящий момент «выстрелить» искрометной шуткой или интеллектуальным анекдотом.

И совсем неслучайно, на мой взгляд, появление в 2005 и 2009 годах из-под пера уже маститого ученого и организатора науки таких обобщающих ана-

литических работ, как, соответственно, «Феноменология русской души» и «Логика в русской жизни». Подобные работы, которые носят печать мудрости автора, каждая строчка которых выношена десятилетиями наблюдений над реалиями нашей действительности, углублением в историю России, размышлениями над ее прошлым, настоящим и будущим, имеют характер творческого завещания и привлекают к себе особое внимание.

Прежде всего мы здесь сталкиваемся, действительно, с фундаментальной проблемой русской ментальности, русской души — как угодно назовите, и русской культуры в целом: проблемой рационального мышления русского человека. Данная проблема стала центральной при рождении самостоятельной философской мысли в России в споре западников и славянофилов, остается она таковой и по сей день. Таким образом, В.Н. Брюшинкин вмешивается в этот спор и делает это мастерски, с присущими ему аналитической мудростью и иронией, которая включает в себя, конечно, и самоиронию.

В своих работах он пытается выяснить причины свойственного русской духовной традиции недоверия разуму, дать оценку сложившейся ситуации, которая в целом характеризуется отсталостью России от передовых стран Запада, предложить пути решения непростых проблем, в том числе и на государственном уровне.

Проф. В.Н. Брюшинкин вынужден констатировать, что для психологии русского человека, для его души характерна следующая константа, определяющая и его поведение: «...вероятность того, что некоторый результат будет достигнут при помощи рационально построенной последовательности действий, не больше, чем вероятность того, что этот или подобный результат может получиться и без такой заранее запланированной последовательности действий: сам собой или однократным напряжением сил»¹. Что это означает, понятно: русский человек не склонен доверять рассудку, разуму, рациональности как таковой.

Такое отношение к рациональным, логическим структурам человеческого сознания, само собой, влияет и на формирование духовного строя бытия русского народа. Наш автор приходит к печальному, но закономерному выводу. «Таким образом, — заключает он, — для русской души характерно *недоверие к культуре*, связанной с рационально построенной последовательностью действий, ведущих к запланированному результату, и *доверие к иррациональному бытию*, которое в целом воспринимается как благоприятное для человека, подхваченного потоком жизни»².

Но констатация существующего на сегодня в России положения рациональности вещь, конечно, полезная (а в исследовании Владимира Никифоровича становится и увлекательной, будучи изложена также через сказки, детские песенки, анекдоты, которые только оттеняют главные мысли), однако недостаточная. Проф. Брюшинкин обращается к сути векового спора вокруг главной характеристики, определяющей или долженствующей оп-

¹ Брюшинкин В.Н. Феноменология русской души // Вопросы философии. 2005. №1. С. 30 (курсивы сохранены в авторской редакции); см. также: Брюшинкин В.Н. Логика в русской жизни // Философские науки. 2009. №4. С. 63.

² Там же. С. 31; в работе «Логика в русской жизни» эту мысль автор воспроизводит на с. 65–66.

ределять как личную, так и социальную жизнь русских людей. По мнению нашего автора, наиболее достойны обсуждения известная концепция А. С. Хомякова и менее известная концепция восполнения В. С. Соловьева. Владимир Никифорович на основании разностороннего и глубокого компаративистского анализа отдает предпочтение последней, что, в общем-то, понятно. Хомяков и его последователи-славянофилы разрабатывали концепцию соборности в богословском аспекте, и некорректное расширение сферы ее применения ведет к фальсификации того позитивного смысла, который в ней, несомненно, заложен. Соловьев же никогда не покидал почвы философии, ни даже тогда, когда обращался к социально-политическим темам, ни когда погружался в религиозные вопросы. Поэтому и его подход к решению обозначенной проблемы представляется более предпочтительным. Хотя опять же возникает следующий вопрос: а на основе чего в личном плане русскому человеку станет естественным вести себя согласно принципам, заложенным в концепции восполнения? Владимир Никифорович Брюшинкин дает ответ и на этот вопрос, быть может не исчерпывающий, но вполне им осознаваемый и пропущенный через собственный опыт. Нужна соответствующая поставленной даже не государством, а обществом и самой нашей жизнью задаче построения гражданского общества система образования. Без присутствия в учебных курсах дисциплин, развивающих у подрастающего поколения навыки системного, рационального мышления, нам нечего и надеяться на мало-мальски позитивные результаты в решении указанной фундаментальной задачи. Здесь наш автор абсолютно прав, как прав и в конкретных рекомендациях по поводу введения этих курсов — логики и латинского языка³. От себя указал бы еще и на настоятельную необходимость для философов изучения древнегреческого и одного из современных иностранных языков.

В заключение хотелось бы отметить еще одну интересную деталь из биографии Владимира Никифоровича Брюшинкина, которая, на мой взгляд, также сыграла немаловажную роль в его обращении к представленным нами проблемам и в попытках их разрешения: сибирский парень, родившийся в самом центре Сибири — городе Красноярске, получил образование в центре российского государства Москве на элитном философском факультете и все свои зрелые годы посвятил становлению философского центра в городе Канта и университете Канта, где смыкаются две культуры — русская и немецкая.

В. Н. Белов,

д-р филос. наук, профессор
Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

* * *

Владимир Никифорович Брюшинкин был ярким и неординарным человеком, и хотя я нечасто встречался с ним, эти встречи остались в памяти. Несколько раз я видел его на Кантовских чтениях и конференциях, прохо-

³ См.: Брюшинкин В. Н. Логика в русской жизни. С. 72—74.

дивших в Светлогорске и Калининграде. Он был главным их организатором, и бросалось в глаза не только хорошее качество практически всех выступлений, что говорило о тщательном отборе докладчиков, но и высокий уровень проведения всех этих мероприятий. Такого внимания к гостям я не видел, пожалуй, больше нигде. Причем подчеркну, что речь идет не о какой-то одной конференции, а о повсеместной практике. Всегда, когда за дело брался Брюшинкин, возникало ощущение надежности и решаемости всех проблем. У Владимира Никифоровича был удивительный организаторский и административный талант. Он умел находить финансовые ресурсы и с большой пользой для всех тратить их. Этот административный талант проявлялся, конечно, не только на конференциях. Он создал Институт Канта и сумел реформировать возглавляемую им кафедру философии и логики, превратив ее в одну из лучших российских кафедр. Важно, что эти реформы проводились с учетом интересов всех поколений. Брюшинкин, к примеру, всегда старался словно бы держаться в тени Леонарда Александровича Калининкова и всячески поддерживать литературные и философские проекты этого замечательного человека. С другой стороны, он воспитывал молодых ученых. Он организовывал им длительные стажировки на Западе, помогал устанавливать контакты с известными философами, устраивал публикации и т.д. Все это привело к тому, что на кафедре философии появилась целая группа талантливых философов, которые, как можно надеяться, продолжат дело Брюшинкина.

Но таланты Владимира Никифоровича не ограничивались администрированием. Он был известным философом, логиком и историком философии, причем не только в нашей стране. Помню, к примеру, как на Берлинском кантовском конгрессе в 2000 году он долго общался с Питером Стросоном, получившим на том конгрессе первую Кантовскую премию. Знал он и многих других знаменитых философов. И его контакты с ними не были формальностью. Скажем, из общения со Стросоном вырос масштабный переводческий проект, которым Владимир Никифорович очень гордился. Свидетельством международного уровня его компетенции стали и его западные публикации, в частности в журнале «Kant-Studien», статья в котором является пределом мечтаний любого кантоведа. Ведь, несмотря на широту своих интересов, Брюшинкин много внимания уделял и кантоведению. У него было очень любопытное отношение к Канту: он ценил Канта, но не умилялся им. Кант служил для него источником вдохновения как в позитивном, так и в критическом плане. Достаточно вспомнить один из последних текстов Брюшинкина, где представлен увлекательный обзор достижений и просчетов Канта при создании им знаменитой таблицы суждений и логических функций. Очень жаль, что Владимир Никифорович не успел продолжить этот и другие проекты. Его уход стал чем-то совершенно неожиданным. Но влияние его идей и его дел будет долгосрочным. Хотя, конечно, многое зависит от его учеников. Впрочем, они наверняка не подведут.

В. В. Васильев,

д-р филос. наук, профессор,
зав. кафедрой истории зарубежной философии
философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

«Он верил...»

Он верил в «коперниканский переворот», суть которого — в мужественной попытке отделения от так называемого «наивного мышления» и в возвышении в точку над индивидуальным мышлением, откуда мыслитель способен и призван переосмыслить уже субъективно помысленное в своем опыте мира, абсолютно не будучи привязанным к этому опыту и будучи абсолютно правдивым в отношении его с высоты таинственной «общей знаменательности». Это — трансцендентальная субъектность истинной сути каждого человека. И именно она составляет основу той спасительной связи, той интересубъективной возможности, которая и есть великий повод для «грамматики жизни», когда люди и страны, несмотря на разности и уникальности, начинают понимать и беречь друг друга...

Он верил в этот «коперниканский переворот», и он его совершил в Пространстве-Времени своей судьбы, такой недолгой и трудной, но такой значимой для всех тех, кто знал его. Боль от его потери велика, и вряд ли возможно унять ее строгими силлогизмами безупречных логик. Но пусть так — однако верность максимам философского мужества дает уверенность в том, что эту боль можно хотя бы смягчить. Эта уверенность соотносима с той, которую пережил Кант, когда практиковал свой трансцендентальный метод: «Я должен был бы до основания изменить свою собственную природу или полностью уничтожить себя, если бы я сказал, что Бога нет, что я не свободен и не бессмертен. Сама структура моего существования ставит категорическое условие существования Бога или бесконечного самосовершенствования, свободы и моральности как таковой, и *бессмертия души...*»

В. Х. Гильманов,
д-р филол. наук,
профессор кафедры зарубежной филологии
факультета филологии и журналистики БФУ им. И. Канта

Fuimus...

Память о Владимире Брюшинкине дорога моему сердцу, ибо он был подлинно благородным (в наши-то времена!) человеком. И эта память дорога также моему уму потому, что философский талант Брюшинкина отличался редкостным чувством вкуса. Я не могу себе представить, что Брюшинкин согласился бы перевести, например, «Революцию» Куна или «Зеркало» Рорти. Но вот переводы книг Стросона он задумал давно и одну из них вместе со своим учеником и коллегой успел перевести. Этот перевод «Индивидов» Стросона я считаю для нашего времени образцовым. Думаю, что эта работа еще не получила достойной оценки. И, по моему мнению, она заслуживает самой высокой награды, которая существует в нашей стране. Слава богу, я успел сказать это Владимиру лично.

К. Ф. Самохвалов,
д-р филос. наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института математики
Сибирского Отделения РАН

Интеллектуальная эволюция Владимира Брюшинкина: от теории поиска вывода к трансцендентальной логике и системной теории аргументации

Данные заметки никоим образом не претендуют на объективность и точное изложение фактов. Задачу, которую я перед собой здесь поставил — феноменологически выразить некоторую сложившуюся у меня когнитивную модель, или мой «образ мира», Владимира Брюшинкина и моих отношений с ним.

Владимир Никифорович был на несколько лет старше меня, и так получалось, что мы следовали с ним параллельным курсом научных исследований, точнее — в своем развитии я как бы повторял те изменения в области научных интересов, которые чуть раньше он совершал. Тем самым В. Брюшинкин был как бы «ведущим», а я, сам того не осознавая, следовал за ним, повторяя траекторию его интеллектуального развития. Причем это не было результатом его прямого влияния, а свидетельствует, как мне кажется, о некотором средстве наших душ. Попробую раскрыть это чуть подробнее.

Мое знакомство с ним состоялось заочно. Учась вслед за ним на философском факультете, я выбрал научную специализацию по кафедре логики, и мой научный руководитель Владимир Александрович Смирнов предложил мне заняться теорией поиска вывода: разделом логики, занимающимся анализом логических доказательств с целью выявления их структуры и способов построения и создания на этой основе автоматических (машинных) алгоритмов. Именно тогда я впервые и услышал о Владимире Никифоровиче, который несколько ранее также выбрал данную область и попытался разобраться с теорией дистрибутивных нормальных форм Я. Хинтикки.

Правда, в отличие от В.Н. Брюшинкина, я стал разбираться с обратным методом С.Ю. Маслова, а наш общий научный руководитель В.А. Смирнов охарактеризовал тогда подходы Хинтикки и Маслова как наиболее интересные подходы (альтернативы) к теории поиска вывода (доказательства), первый из которых базировался на семантических таблицах, а второй — на исчислении секвенций.

Вскоре состоялось и наше личное знакомство, когда Владимир Никифорович на одном из «смирновских» семинаров в секторе логики ИФ РАН рассказывал о техническом аппарате дистрибутивных нормальных форм, а я, будучи студентом, силился понять сложную хинтикковскую технику. Со своей стороны, хотя это было уже позже, я попробовал объяснить Владимиру Никифоровичу «технику» масловского обратного метода, и мы сошлись на том, что хотя оба этих подхода достаточно сложны для понимания, но мы сумели разобраться в их техниках. Конечно, речь идет скорее об идейном понимании данных концепций, что, собственно, и отличает *философскую* [формальную] *логику* от чисто математического аппарата этих теорий. И финские ученики Хинтикки, и питерские коллеги Маслова несомненно знают математическую технику этих теорий значительно лучше, чем мы с Владимиром Брюшинкиным.

Далее в течение нескольких лет мы не поддерживали с Владимиром Никифоровичем тесных отношений, хотя, конечно, встречались на логиче-

ских семинарах и конференциях. Каково же было мое удивление, когда в сборнике соросовских лауреатов (1994) рядом со своей статьей я увидел статью В. Брюшинкина «Трансцендентальная модель интеллекта: моделирование рассуждений». Причем обе статьи оказались посвящены уже не чисто логической, а более философской проблематике.

Конечно, значимость наших статей была несопоставима. Если для меня моя работа стала одной из первых значимых философских публикаций, то Владимир Никифорович к этому времени успел написать очень интересную монографию «Логика, мышление, информация» (1988), которая легла в основу его докторской диссертации, и подготовить прекрасный учебник по логике для гуманитариев (1994), в котором содержался ставший хрестоматийным пример рассуждения про «гангирующие эпизоды и фемины».

Не буду приводить полный список остальных научных достижений Владимира Никифоровича: к этому времени он стал уже известным ученым, переводчиком философской классики и одним из лидеров российской философии. Здесь я хотел бы обратить внимание на важный для его интеллектуальной биографии поворот к Канту.

С чем он был связан? Конечно, с его преподавательской и научной деятельностью в стенах кёнигсбергского университета (Балтийского федерального университета им. И. Канта), в городе, где в свое время жил и творил Кант и который пропитан кантовским духом. Однако мне представляется, что не менее важной [внутренней] причиной для этого поворота были брюшинкинские штудии Хинтикки, одна из работ которого, «Логика, языковые игры и информация» (1973), имела характерный подзаголовок «Кантовские темы в философии логики». Хотя возможно, что были и другие причины его кантианского поворота: напрямую об этом Владимира Никифоровича я не спрашивал.

Важно, что этот поворот от чистой (формальной) логики к философии логики, к кантовской трансцендентальной логике произошел. И поэтому не случайно появление очень значимых для логико-философской жизни России 90-х годов светлогорских семинаров по «логическому кантоведению», одним из инициаторов которых (наряду с В. А. Смирновым), организатором и душой был именно Владимир Никифорович. Чуть позже к этому движению присоединился и я, благодаря чему тоже обратился к трансцендентализму Канта, исследованием и развитием которого сейчас занимаюсь.

Вместе с тем надо заметить, что очень перспективная идея В.Н. Брюшинкина о построении формального аналога кантовской трансцендентальной логики (хотя бы на уровне силлогистики) так и не была полностью реализована. Мы не раз возвращались к этой теме на протяжении последних лет, обменивались ссылками на появляющиеся англоязычные работы по этой проблеме. Конечно, кое-что в этом направлении сделано учениками и соратниками Владимира Никифоровича, но полноценной формальной модели кантовской трансцендентальной логики до сих пор не построено.

Отчасти это связано и с тем, что в начале 2000-х в интеллектуальной эволюции Владимира Брюшинкина произошел еще один поворот, а именно его обращение к моделям рассуждения и теории аргументации. Этот поворот можно рассматривать как некоторый *синтез* (в кантовском смысле) предшествующих «логического» и «кантовского» этапов в творчестве В.Н. Брюшинкина, а развиваемую им *системную модель аргументации* — как синтез

логического, когнитивного (кантовского) и риторического аспектов, с необходимостью присутствующих в любой аргументации...

На этом закончу свои воспоминания об этом светлом и позитивном человеке, его творческом пути и интеллектуальной эволюции, поскольку мой поворот к развиваемой им системной теории аргументации пока еще не состоялся: видимо, это дело ближайшего будущего... **Светлая ему память!**

С.Л. Катречко,

канд. филос. наук, доц. кафедры философии естественных факультетов философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Главный редактор

Трудно говорить в прошедшем времени и специально подбирать воспоминания о человеке, который был и остается для тебя рядом... Вот и сейчас, готовя этот номер «Кантовского сборника», не могу себе представить, что Владимир Никифорович еще не прочитал все материалы, предназначенные для него, и не думает о том, что включить, а что нет и какие замечания следует выставить нашим авторам. И все-таки я скажу несколько слов, касающихся и Владимира Никифоровича и нашего журнала.

Я хорошо помню, как наш «Кантовский сборник» получил новый формат и, без всякого преувеличения, «новое дыхание». В 2006 году мы вместе с Владимиром Никифоровичем делали 26-й его выпуск, посвященный 70-летию юбилею Леонарда Александровича Калининкова. Конечно, о достоинствах этого сборника следует судить читателю, но, по моему мнению, он получился и качественным с точки зрения российского кантоведения, и просто интересным для любого философски ориентированного читателя. Тогда нам казалось после двух месяцев достаточной упорной работы, что большего и желать не следует, да и в наших условиях лучшего не сделать. Следующий, 2007 год, был единственным, начиная с 1981-го, когда «Кантовский сборник» не выходил. Но именно тогда шла подготовка к его выпуску в совершенно другом формате — а именно как регулярного всероссийского научного журнала. Я мог только «схватиться за голову»... Тем не менее в 2008 году первый номер «Кантовского сборника» в планируемом формате вышел. Для нас это было событие! До сих пор, получая очередной номер сборника, я всегда вспоминаю об этом, Первом, хотя и 27-м!

В связи со сборником мне хочется отметить одну важную особенность Владимира Никифоровича как организатора науки и высшего образования. Он не был «начальником» в прямом смысле этого слова — но руководителем, коллегой, соратником и, конечно, настоящим главным редактором «Кантовского сборника». Именно поэтому, когда речь заходит о «Кантовском сборнике», я всегда, с полным на это основанием, говорю: «мы думаем...», «мы решили...», «мы сделали...» Я хочу подчеркнуть, что эта особенность Владимира Никифоровича определялась одним из самых замечательных свойств, присущих ему как человеку: с ним можно было обсуждать любые идеи, спорить по любым вопросам и поднимать любые проблемы... И, что показательно, многие из этих обсуждаемых идей, кто бы их ни высказывал в наших спорах, так или иначе воплощались в практические дела! Это в полной мере касается и нашего журнала «Кантовский сборник».

Остается только надеяться, что наш журнал и далее будет выходить, и выходить на уровне, заданном Владимиром Никифоровичем, благодаря тому, что в него вложена не только значительная часть его энергии и усилий, но и, без сомнения, часть его души...

А. Г. Пушкарский,
ст. преп. кафедры философии и логики БФУ им. И. Канта,
ответственный секретарь «Кантовского сборника»

«Времени нет»

Вергилий говорил: «Время уносит все». Фалес говорил: «Мудрее всего время, ибо оно раскрывает все». Сенека писал: «Только время принадлежит нам». Владимир Брюшинкин сказал: «Времени нет. В обоих смыслах».

Мы можем понять это так: времени как такового не существует в объективном смысле, и у человека нет времени для траты его впустую. Таким был и есть в нашей памяти Владимир Никифорович — человеком, который каждую минуту своей жизни стремился сделать этот мир лучше: добрее и справедливее. Время, которое он потратил на науку и истину, уже при его жизни принесло свои плоды. Нам же остается только их приумножить и помнить своего учителя.

А. Н. Троцак,
канд. филос. наук,
ст. науч. сотр. Института Канта БФУ им. И. Канта